

В прошлом номере «Вещь» опубликовала рецензию писателя Алексея Лукьянова «Между клише и кушеткой», посвященную дебютной поэтической книге поэта из Соликамска Михаила Куимова «Хребет». Автор рецензии утверждал, что поэтическая речь молодого поэта «пока лишь имитируется», что он использует литературные штампы и клише. А «проговаривание всевозможных душевных (и не только) травм – чуть ли не основной его творческий метод». Негативный отклик вызвал резонанс. Журнал решил предоставить возможность высказать иную точку зрения на книгу. В адрес редакции был прислан текст, автор которого не столько рецензирует «Хребет», сколько защищает молодого поэта. Редакция сочла уместным опубликовать его в рубрике «Полемика».

Сразу скажу, что данный текст не является в строгом смысле откликом на книгу «Хребет» (который я, впрочем, с радостью мог бы написать, и, вероятно, ещё напишу), но большей частью проходит по разряду «критика критики». Этот текст не столько о поэте Куимове, сколько о явлении литературно-критической графомании. Но сначала всё же немного о Куимове.

На мой взгляд, Михаил Куимов является на сегодняшний день одним из наиболее интересных и перспективных молодых поэтов России. В его стихах заметно «лица необщее выраженье», индивидуальность лирической оптики. Продолжая в целом традиции классической русской поэзии, Куимов умело и точно обогащает их использованием модернистских приемов. Его лирическая эмоция всегда психологически убедительна, достоверна и вызывает читательское сопереживание.

Немаловажно, что за стихами Куимова, что называется, «дышат почва и судьба». Их подлинность «удостоверена» многолетней работой автора на шахтах – в Соликамске и в Магаданском крае. Этот опыт, преобразуясь поэтически, лишает стихи Куимова всякой искусственности и нарочитости. В этом смысле Михаил наследует своему земляку – поэту удивительной лирической силы – Алексею Решетову.

Вышедшая в 2018 году дебютная книга стихов «Хребет» демонстрирует многогранность и динамику развития поэтики Куимова. Очевидно, что он не боится меняться, преодолевать инерцию собственного письма, пробовать новые жанры и формы, не движется по накатанной.

Творческую состоятельность Михаила Куимова, помимо книги «Хребет», подтверждают ряд значимых публикаций, неоднократные победы и выходы в финал в региональных и всероссийских поэтических конкурсах и фестивалях («Решетовские встречи», «Филатов-фест» и др.). В июле этого года стихи Куимова были по достоинству оценены редакторами авторитетного литературного журнала «Знамя», и он был рекомендован к участию в Форуме молодых писателей России и стран СНГ в Ульяновске. Наконец, Куимов – без пяти минут член Союза российских писателей.

Понятно, что всё это внешние атрибуты, «плюшки», важнее, что за ними стоит глубокая и интересная поэтическая личность. И личность эта становится заметной. Вот и «Хребет» не остался без критического внимания. Правда, вышедшую в первом номере «Вещи» за 2019 год рецензию Алексея Лукьянова с вычурным и претенциозным заглавием «Между клише и кушеткой» критикой назвать крайне сложно. Удара по «Хребту» у Лукьянова не получилось, вышел лишь сомнительный невнятный тычок, играющий, в конечном счёте, в пользу поэта, ибо дарёному хайпу, как говорится, в строчки смотреть не надо, особенно когда дело касается дебютной книги. Так что с этой рецензией, по самому факту её наличия, Куимова тоже можно поздравить – задел, разбередил, взволновал.

Тем не менее приглядимся к лукьяновскому тексту. Будучи в высшей степени непрофессиональным, он производит впечатление, будто школьник возомнил себя академиком-литературоведом и с дотошностью «ботаника» развинчивает и анатомирует стихи, при этом механистично стараясь соответствовать всем мертворожденным лекалам «классической» рецензии. Выглядит это сколь убого, столь и забавно, учитывая, что в анамнезе у Лукьянова тотальная глухота к поэтическому слову, прискорбное непонимание нелинейности и парадоксальности поэтической логики и образности. Он колет орехи микроскопом с видом Луи Пастера.

Лукьянов ищет в циклах, составляющих книгу Куимова, «объединяющую идею», но поэзия – не искусство «больших идей», это удел прозы. Сюжет как стихотворения, так и поэтической книги – дискретен, пунктирен, парадоксален. Об этом замечательно говорил, например, Лотман, которого Лукьянов, вероятно, не читал. Такие понятия, как «дебютная книга» и «начинающий поэт», критик рассматривает как синонимичные, забыв, видимо, что многие поэты первого ряда по разным причинам выпускали первые книги за тридцать, а то и за сорок. Куимов пишет (и шире – думает и чувствует стихами) давно, и назвать его «начинающим» я бы поостерёгся. Равно как поостерёгся бы сводить его поэзию к «проговариванию травмы».

Терапевтическое назначение поэзии в некотором роде фундаментально — оно проявляется себя как в графоманских опусах, так и в лирических шедеврах. Это не дифференциальный признак их различия, а общая почва. Однако мне видится в стихах Куимова много чего помимо этой априорной «терапевтичности».

Лукиянов вменяет Куимову «высокопарность оборотов» и «неряшливость исполнения». Пафоса Куимов, действительно, не боится (а эта боязнь превратилась в нынешней поэзии, похоже, в пандемию), но использует его исключительно в целях психологической убедительности прямого лирического высказывания. Что касается «неряшливости», то чаще всего — это сознательная «поэтика небрежности», которая цепляет и пробуждает сознание воспринимающего, позволяет ощутить «преодоление» языкового материала (о котором говорили формалисты), непосредственно почувствовать текст. В частности, это относится к куимовской рифмовке — зачастую мастерской.

Попытки Лукиянова переписать стихи, поменять местами слова вообще серьёзного комментария не заслуживают. Понятно, что, когда поэт пишет «из прошлого сделай плот», никакой «флот» здесь на место «плота» не встанет. Ещё более явственно, что «кожура» в строке «так я с себя снимаю мишуру» не замена «мишуре». Воспользуюсь нулевой логикой нашего критика: сделать этого нельзя, потому что Куимов — Миша, а не апельсин. Невозможность подобных замен очевидна всем, кроме Лукиянова, разбирающегося в анализируемых стихах не более, чем конь в упомянутых апельсинах.

Собственно, если в общетеоретических рассуждениях Лукиянов ещё как-то (плохо) пытается держать лицо, то когда он переходит к анализу конкретных стихов, то впадает уже в такой дремучий бред, что хорошо бы мне остановиться здесь, опасаясь за своё душевное здоровье. Но я рискну и напомним банальное: подход к стихам с точки зрения обыденной, примитивной логики, плоской и дурно понятой «объективности» — мягко говоря, непродуктивен, что данный «анализ» демонстрирует во всей красе, изымая из стихотворения Куимова только культурологический пласт и рассматривая его вне органических, тонких и сложных связей с другими (многочисленными) слоями и тканями стихотворного организма. Это как по отдельно взятой, допустим, селезёнке судить о характере и темпераменте человека — результативность аналогичная. Впрочем, и сам «аналитик» проговаривается, что изначально подходил к тексту с целью «выскоблить мораль». Ну, выскоблил, с барского плеча (это ничем не оправданное высокомерие вообще превалирует в интонациях рецензента) констатировав, что «Михаил не бездарен». А толку?

В заключение отмечу, что у меня самого есть серьёзные вопросы к стихам Куимова. Оставлю их для другого разговора. Но то, за что его (а на самом деле — себя) подвергает публичной порке Алексей Лукиянов, является как раз достоинствами куимовской лирики. Просто достоинства эти искажены и вывернуты наизнанку выморочным сознанием критика. Это убедительно доказывают цитаты. Ох уж эта необходимость цитировать — неизбежный крест критиков, пытающихся легитимизировать беспомощную графоманию, либо же — как в данном случае — принизить и оболгать достойную поэзию. Об этом в свое время замечательно высказался Игорь Шайтанов, говоря о творчестве современных мейнстримных верлибристов, адресую читателя к его книге «Дело вкуса». Приводимые Лукияновым цитаты сами по себе убедительно опровергают нападки рецензента, «убирают» его измышления на раз, что создаёт явно незапланированный зверино серьёзным тоном рецензии комический, автопародийный эффект.

Я — как вы заметили — стихи Куимова принципиально не цитирую, хотя мог бы делать это долго и с удовольствием. Почитайте их сами. Книга «Хребет» этого заслуживает.